ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 11

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СУББОТА, 12 НОЯБРЯ
(25 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

12-го ноября.

Пролетариат и крестьянство.

С'езд крестьянского союза в Москве, происходящий в настоящее время, снова выдвигает на очередь дня насущный вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. Для русских марксистов вопрос этот всегда был насущным при определении их программы и тактики. Еще в первом проекте программы русских социал-демократов, напечатанном в 1883 г. за границей группой „Освобождение Труда", было уделено серьезнейшее внимание крестьянскому вопросу.

С тех пор нельзя назвать ни одного крупного произведения марксистов, посвященного общим вопросам, ни одного соц.-дем. органа печати, который бы не повторял, не развивал, не применял к отдельным случаям марксистских взглядов и лозунгов.

Теперь вопрос о крестьянском движении стал насущным не в теоретическом только, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? — вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленном буржуазным политиканством, смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III с'езде, состоявшемся в мае настоящего года, Р. С.-Д. Р. Партия приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований вплоть до конфискации всех частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли. И в этом отношении с резолюцией III с'езда Р. С.-Д. Р. П. совершенно совпадает по содержанию резолюция, принятая на конференции другой половины нашей партии.

„Всю волю" — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. „Всю волю" — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. „Всю волю" — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнения. Поэтому поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев.

Остатки крепостного права во всех и всяческих формах и видах до сих пор давят беспощадным гнетом всю крестьянскую массу, и пролетарии под красным знаменем об'явили войну этому гнету.

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплоатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала. И вот тут перед нами встает второй вопрос: что может дать революция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно

поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. Мысль о „социализации" земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от нее вполне освободились теперь пролетарии социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идем дальше. Мы ведем, кроме борьбы за волю и за землю, борьбу за социализм. Борьба за социализм есть борьба против господства капитала. Ведут эту борьбу прежде всего наемные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплоатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а, кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба.

Пошлем же горячий привет крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны раз'яснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща, и городским рабочим и всей крестьянской бедноте, — к этому плану и решению мы относимся с величайшим, полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплоатации. Вперед, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю! Вперед, пролетарии, об'единенные международной социал-демократией, на борьбу за социализм!

Н. Ленин.

Осуществим ли всеобщий передел земли.

„Земля и воля!" — в этих двух словах выражается сущность требований современного крестьянского движения. Какое содержание вложит крестьянское движение в эти требования, как оно распределит полученную „землю", добившись „воли", насколько далеко пойдет в своем требовании „земли", — предсказать заранее трудно, почти невозможно.

Но с уверенностью можно сказать, что оба эти требования в той или иной мере и форме будут осуществлены в близком, сравнительно, будущем. Порукой в этом — ставшее невыносимым для крестьянства, угнетенное и порабощенное положение его и по отношению к государству и по отношению к помещичьему классу, а также и обнищание широких слоев крестьянства, единственным выходом из которого является в настоящее время увеличение площади находящейся в их владении земли.

„Земли и воли" требуют крестьяне, и это требование их поддерживает российский пролетариат в лице Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это же требование пишет на своих знаменах и Партия Социалистов-Революционеров. Но смысл, который вкладывают в эту формулу обе эти партии, — глубоко различен.

В статье „Мелкобуржуазный и пролетарский социализм" („Новая Жизнь", № 9) обстоятельно раз'яснено это различие, и мы не будем на нем останавливаться, отсылая читателей к этой статье.

Мы рассмотрим, осуществимы ли требования земельной программы социалистов-революционеров, имеются ли налицо такие силы и стремления, которые способны были бы провести на практике эту программу.

В чем состоит эта программа? Социалисты-революционеры формулируют ее так: „социализация земли", т. е. переход всех земель „в собственность государства, всего общества, и в распоряжение местного самоуправления, для наделения общин и товариществ под условием уравнительного и общественного пользования землей".

Выражение „социализация земли", как видно из пояснения самих социалистов-революционеров, означает просто-напросто „национализацию земли" (переход земли „в собственность государства, всего общества"). „Социализация земли" — не имеющее смысла, противонаучное выражение, с помощью которого социалисты-революционеры думают замаскировать буржуазность своей по-

зиции и свое полное научное невежество. Если сохранятся весь буржуазный строй, то передача земли в собственность общества есть не что иное, как передача в собственность буржуазного государства определенной страны, т. е. то, что в научной литературе принято называть „национализацией земли". Дело, конечно, не в слове, а в том содержании, которое скрывается за этим словом. Национализация земли в буржуазном государстве (об осуществлении социалистического государства в близком будущем не решаются говорить даже социалисты-революционеры) означает увеличение силы и влияния правительства буржуазного государства, т. е., в конечном счете, господствующего класса — буржуазии вообще. Этого ли добиваются социалисты-революционеры? Они думают, что переход земли в собственность государства приведет к равномерному распределению земли между „трудовым крестьянством". Но где основания, которые позволяли бы рассчитывать на это?

Весь земельный фонд, не принадлежащий „трудовому крестьянству", далеко недостаточен для того, чтобы обеспечить землей все крестьянство в таком размере, в каком обеспечены ею многоземельные разряды и группы крестьянства. Следовательно, в общий передел должны были бы пойти и крестьянские земли.

В разных районах и в пределах каждого района, будь то губерния, уезд и даже волость, есть различные разряды крестьян с неодинаковой земельной обеспеченностью. Согласятся ли крестьяне, имеющие, положим, 4 дес. на душу, уступить часть своей земли своим соседям, имеющим всего 1/2 дес. на душу? Нет, не согласятся. Далее, во многих местностях России существует подворное владение землей, при чем земля в пределах общества распределена крайне неравномерно (например у так называемых „крестьян четвертного права" или у „старозаимочников"). Многоземельные дворы, разумеется, какие бы блага им ни сулили социалисты-революционеры, не отдадут своей земли малоземельным.

Таким образом, при первой же попытке провести на практике „социализацию земли" пришлось бы столкнуться с крайней разнородностью интересов различных районов, разрядов крестьян и отдельных групп их. Если малоземельное крестьянство стало бы осуществлять программу социалистов-революционеров, то могла бы начаться гражданская война в самом крестьянстве. Наступила бы невообразимая анархия. Но, к счастью, кажется, этого не случится.

Рассмотрим распределение земли внутри общин и товариществ. Социалисты-революционеры говорят „об уравнительном или общественном пользовании". О последнем можно серьезно и не говорить, так как эта форма землепользования (т. е. общее хозяйство на всей земле общины) совершенно не свойственна нашему крестьянству, и все народнические попытки насадить „артельное хозяйство" потерпели самое жалкое крушение. Рассчитывать же на то, чтобы наши крестьяне сразу сделали огромный скачек в своем развитии, от общинного владения с подворным пользованием землей сразу перешли к высоко развитым формам кооперации, — значит совершенно игнорировать сущность нашей земельной общины, весь исторический опыт и косность человеческой психологии.

Остается, значит, „уравнительное пользование", т. е. теперешнее общинное владение, с равным разделением земли по душам и периодическими переделами. Социалисты-революционеры уверяют, что эта форма землепользования самая распространенная, но они умалчивают при этом, что во многих местах община фактически не существует, что переделов земли в них никогда не было или они давно прекратились. Автор „Русской общины" г. Качоровский, авторитет которого, кажется, признают социалисты-революционеры, доказывает, что „переделов" сначала не бывает, потом они вызываются недостаточностью земли, а при дальнейшем росте числа членов общины снова прекращаются. Словом, по выводам г. Качоровского, „переделы" — явление временное, а вовсе не присущее крестьянскому землевладению при всяких условиях. Более того. Тот же г. Качоровский, сам не замечая того, всей своей книгой очень обстоятельно доказывает положение, что земельная община представляет собой учреждение, ничего социалистического в себе не заключающее. Она не является первоначальной формой обобществления производства, но, по самой своей природе, совершенно противоположна всякой сознательной кооперации. В основе всякой кооперации, всякого объединения сил и средств для достижения общей цели лежит солидарность интересов, подчинение интересов личности интересам целого, тогда как в основе общины лежит борьба интересов. Члены общины ничего не соединяют для достижения общих целей, а напротив, делят то общее, что у них имеется. „Борьба из-за земли" является, по данным г. Качоровского, той силой, которая вызывает переделы земли. Данная община располагает участком земли, который она не имеет средств увеличить. Каждый из членов общины стремится захватить себе возможно больше земли, но, так как и другие стремятся к тому же, то в результате этой борьбы за землю получается равное распределение ее между всеми. Как только, благодаря изменению состава населения, распределение земли перестает быть равномерным, группы, имеющие меньше земли, начинают добиваться передела, группы, более обеспеченные, всеми силами ему противятся. И в целом ряде общин переделов не бывает именно по той причине, что малоземельным не удается составить необходимое большинство голосов для передела. Ни о какой солидарности, ни о каком стремлении к справедливому удовлетворению потребностей всех нет речи. Каждый борется за свои интересы (иногда эта борьба ведется с насилием).

Некоторая устойчивость общинного владения (т. е. переделов земли) обусловливалась до сих пор тем, что все общество круговой порукой отвечало за уплату податей, что земля не была еще выкуплена крестьянами в собственность, и подворное разделение земли навсегда было связано с целым рядом зачастую неопредолимых препятствий. Наше бюрократическое правительство с незапамятных времен всеми силами поддерживало и насаждало общинное землевладение.

Поэтому можно думать, что община под влиянием этой борьбы за землю очень легко при полной воле распадется, так как общинное владение препятствует улучшению земледельческой культуры.

Социалисты-революционеры уверяют нас, будто среди крестьян существует воззрение на землю, как „ничью, божию", которая, как свет, как воздух, не принадлежит никому. Такое воззрение действительно встречается среди

крестьянства. Но на свою землю крестьяне не смотрят так: если они вкладывают в нее свой труд, то уже считают ее своей собственностью, основываясь на трудовом принципе. А по мере развития купли-продажи земли и округления участков у отдельных крестьян, это воззрение все более и более исчезает.

Инстинкты собственников уже теперь очень сильны в нашем крестьянстве. А когда падут все преграды для мобилизации земельной собственности и крестьяне будут иметь свою землю, они превратятся, без сомнения, в таких же мелких буржуа, какими являются крестьяне западно-европейские. Крепостнически-патриархальный „социализм" выветрится бесследно, и значительная часть крестьянства будет стремиться „прикупить" земли. Начнется буржуазная война „всех против всех", сильные будут подниматься, слабые падать. Резче обособятся группы с различными интересами, и классовая борьба в деревне получит полное развитие.

Итак, переход земли в руки крестьянства приведет только к дальнейшему расслоению этого крестьянства и усилит классовую борьбу. Таково только и может быть значение перехода земель к крестьянству.

Мы, социал-демократы, сознаем это и потому поддерживаем требование крестьянства „земли и воли".

Мы знаем, что только классовая борьба пролетариата городского и сельского является той силой, которая приведет нас к социализму.

Мы хотим способствовать развитию классовой борьбы в деревне и в интересах крестьянства, которому грозит вымирание и вырождение, в интересах развития всего общества в целом стоим за переход земли к крестьянству.

Б. А.

Армия и народ.

Основная задача армии это — защита государства от внешних врагов, но с развитием политической и экономической жизни вопрос войны несомненно все более и более исчезает с горизонта цивилизованных стран, стран, где суверенитет народа является высшим контролем национальных планов. Зато все сильнее и заметнее выдвигается роль армии как классового учреждения, служащего опорой капиталистического строя.

Когда буржуазные основы общества были еще крепки и не возбуждали сомнений и опасений у правящего класса, он довольствовался своим фактическим господством и не прибегал к тем средствам, которые подрывали его престиж, подрывали главное оружие буржуазии — формальную законность. Теперь все декламации отброшены в сторону, и армия выдвигается как прямая и грубая угроза пролетариату, оказавшемуся способным пошатнуть „вечные" законы буржуазного порядка. Но там, где еще не пал феодально-монархический строй, роль армии может быть прогрессивна.

Всегда, чем ближе подходит неминуемый день падения старого порядка, тем крупнее значение армии.

В истории известны моменты, когда государственная власть становилась игрушкой в руках грубой солдатчины, когда она низвергала и возводила всесильных владык. Но это возможно лишь в те моменты народной жизни, когда нация умирает, разлагаясь, а не выдвигает новые слои, идущие на смену старым; лишь в те эпохи, когда народ, старчески бессильный, отдает свое революционное первородство за жалкие подачки ловких политиканов.

Но когда он, сознавая свои идеалы, принимает вырванные реформы лишь как новые позиции для дальнейших натисков, положение армии становится очень тяжелым. Тысячи нитей связывают ее со старым порядком, гибнущие временщики ласкают ее, ухаживают за ней, пытаясь создать верных преторианцев. А новые идеи освободительной борьбы, сначала тонкими струйками, потом бурным потоком, проникают за стены казармы; в самой армии начинается распадение, выдвигаются борцы и страдальцы за свободу, создаются опричники, готовые устраивать погромы. С одной стороны, мы видим дикие шайки, с гиком избивающие народ, с другой стороны, мы видим солдат и офицеров, принимающих участие на митингах.

Появляются даже письма, явно показывающие совершающийся переворот. „Пережив ужасную душевную драму, я не нашел дальнейших сил для сделок с совестью и подал в отставку. Вместе с тем я возбудил ходатайство об исключении меня из казачьего сословия. Есаул Петр Ильяченко" („Русское Слово", цитируем по „Нашей Жизни" № 317). И это письмо лишь одно из многих. Что же еще надо! Ведь г. Ильяченко принадлежал именно к той части войск, которую прочат в опору трону и существующего разбоя.

Разделение войск на верные „царю и отечеству" и на сомнительные идет у нас быстрыми шагами. Когда выпускают на народ казаков или петербургских раскормленных преторианцев, то невольно возникает вопрос: почему не идет в дело манджурская армия? Она бы и прежние поражения наверстала и, пожалуй, как привыкшая не на печи лежать, а воевать, скорее и лучше подавила бы беспокойные элементы и вывела бы Россию из состояния анархии.

Но здесь мы встречаемся с чем-то очень странным: тех самых патриотов, которых так прокламировали и генералы в телеграммах и их лакеи в корреспонденциях, не только не спешат вернуть в Россию, но хотят создать из них военные поселения Дальнего Востока. Эта дикая аракчеевщина сначала появилась в иностранной печати, но никто не хотел верить в такой конец воинских подвигов; теперь же нет сомнений: на тему о колонизации Манджурии русскими солдатами пишутся докладные записки, а в канцеляриях скребут перья, которые могут погубить больше людей, чем японские штыки.

Этот чудовищно-дикий проект должен привлечь внимание русского народа не только потому, что ему покойней иметь дело с манджурцами, вкусившими все прелести своего благородного ремесла, но и потому, что манджурская авантюра стоила достаточно крови и жертв, нельзя допустить вечную ссылку сотен тысяч крепких сил страны, из которой гражданская война и без того уносит ежедневно лучших людей.

Народ в течение полутора года вел борьбу с правительством за прекращение войны, за спасение России от бессмысленных жертв, которые будто бы приносились во славу русского воинства, с которым хотят теперь разде-

латься слишком бесцеремонно, ибо понимают, что военные элементы, готовые примкнуть к освободительному движению в манджурской армии, сильнее всего: они на своей шкуре испытали все язвы монархического строя. Иностранные газеты уже давно сообщают, что у современной России нет больших врагов, чем русские пленные в Японии, а среди вожаков аграрных беспорядков особенно выдавались раненые, вернувшиеся с Дальнего Востока. Наглый проект создать китайскую стену из русских трупов должен привлечь внимание русского общества как характеристика правительственных намерений и его затаенных желаний.

Но наши канцелярские мумии, занятые выдумкой новой египетской казни, не заметили, что за процесс развивается перед ними,—надвигается революция, и, приняв это в расчет, мы смело можем сказать, что колонизация окончится очень скоро и справедливо: войска вернутся на родину, оставив в Манджурии как украшение пограничных столбов нескольких вождей авантюры.

Но, кроме вождей, есть и виновники авантюры, и им не избежать народного суда.

В. Волгин.

Аграрное движение в Саратовской губернии.

Не успело затихнуть грандиозное революционно-забастовочное движение, охватившее во второй половине октября всю городскую Россию, как поднялась деревня. Поднялась она, в своей глубокой темноте, совершенно стихийно и вылила свой протест в форму „бунта", бунта беспощадного и часто бессмысленного.

Сильное аграрное движение бушует теперь в Саратовской губ. одновременно в нескольких уездах.

Картина этого движения во многих случаях довольно однообразна. Типичная черта ее — аграрный террор, порой в самых крайних проявлениях. Пылают и сравниваются с землей громадные усадьбы, гибнут огромные состояния, гибнут очень часто инвентарь и скот — предпосылки дальнейшего развития производительных сил.

Саратовские газеты буквально пестрят однообразными известиями из уездов Балашовского, Петровского, Аткарского, Саратовского.

„Идет погром хутора кн. Волконского около села Романовки". „Разграблены казенные винные лавки там же". В Макаровской волости „жгут, грабят церковный причт, монопольку, купца"... В Ключах „сожгли и разграбили земскую больницу".

В Петровском уезде „сожжен и разграблен хутор Аплегава; третий день идет грабеж имения Бекетовой и хутора Бундикова"... „Третий день идет разгром винокуренных заводов в с. Даниловке"... В селе Турках „разгромлена железнодорожная станция; разграблена мука и мануфактурный товар"...

И отдельные эпизоды беспощадной расправы складываются в потрясающую картину целых уездов, предаваемых огню и разгрому.

И крайне характерно в этом разгроме то, что жгут и истребляют сплошь и рядом без всякого смысла.

27 октября в „Подгорном" были сожжены экономические кошары, а в них до 3.000 голов овец (шленские).

А вот как громили громадное богатейшее имение кн. Прозоровского-Голицына. Разгромив службы, экономические постройки, монопольку, лавки,

толпа отправилась во дворец, и начался в полном смысле погром. Били мраморные статуи, рвали редкие картины, ковры. Много было взято оружия, ламп, самоваров, подушек, золотых и серебряных вещей. Когда участники погрома набрали столько, сколько можно унести, дворец зажгли и удалились. На обратном пути зажгли конюшню.

Дольше всего горел дворец: временами казалось, что горит не дворец, а происходит извержение вулкана. Дворец был построен более ста лет тому назад и представлял собой исторический музей.

В нем была прекрасная библиотека французских и немецких философов, картины лучших русских и иностранных художников разных направлений, посуда, японские изящные мелкие произведения, статуи из лучшего мрамора и т. д.

Из разных мест приходят уже и известия о том, что на почве волнений начинается среди крестьян междоусобная борьба, принимающая иногда кровавый характер. Корр. „Сарат. Дневн." рассказывает:

Макаровцы пошли всем обществом против грабежей и тем вызвали вражду окружных селений, которые грозят итти войной на Макарово и пожечь все. Дело дошло до того, что уже 27 октября стало известно, что гривские и перевисинские крестьяне назначили в ночь на 28-е поход на Макарово.

Или другая картинка в той же газете (дело происходит после разгрома одного хутора).

Настроение крестьян было самое зверское. Всякий крестьянин, подававший здравый совет, избивался, имущество иногда предавалось огню. Были кровопролитные массовые схватки друг с другом. В Шепелевке крестьяне разделились на две партии, которые, в конце концов, приняли религиозный оттенок (православные и молокане), и шло ужасное, душу раздирающее побоище в течение нескольких суток. Были пущены в ход дубины, колья, топоры. Старшина изувечен и едва живым доставлен в земскую больницу. Есть убитые и много раненых. Лишь залпы из трехдюймовых орудий прекратили резню. Пушечными выстрелами разрушены три дома.

Наконец, все газеты обошло на этих днях известие о том, как в Малиновке, Сердобского уезда, крестьяне-православные убили 42 человека крестьян-раскольников за то, что последние осквернили православный храм, загнав туда скот, который они вместе со своими будущими палачами незадолго до этого увели из одного сообща разгромленного имения.

Рассказывать о том, что происходит в других местностях Саратовской губ., значило бы более или менее повторяться.

В общем это крестьянское движение стоит несомненно вне руководства какой-либо политической партии. Лишь в немногих пунктах роль такого руководителя приписывает себе, как известно, так называемая Партия Социалистов-Революционеров. Но руководство это весьма сомнительного характера. При поверке оказывается, что „партия" эта в аграрном движении сама безусловно и прежде всего преклоняется пред стихийно-разрушительным характером этого движения, и ее „тактика" аграрного террора как нельзя лучше это подтверждает. У нас нет точных сведений о том, где именно „партия" эта участвует теперь в крестьянском движении; и окидывая одним взглядом

картину этого движения, мы видим в общем такое однообразие, что, не имея о том специальных сведений, едва ли можно различить, где именно крестьяне восстали сами по себе, а где к их восстанию успела приложить свою руку „критически-мыслящая личность“ соц.-революционера. Странное руководительство!

* *
*

Но есть в той же Саратовской губ. небольшая округа, где крестьянское движение, как сообщают нам наши корреспонденты, носит значительно иной характер. Движением этим руководила местная организация „Аграрной Группы Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р. Партии“. Центром этой округи является село Николаевский Городок, Саратовского уезда. Социал-демократическая работа среди крестьян этой местности велась двоякого рода: положительная работа преследовала пропаганду, агитацию и организацию на основе программы и тактики Р.С.-Д.Р.П., с другой же стороны велась энергичная борьба против Партии Социалистов-Революционеров, в частности против теории и практики аграрного террора.

Борьба эта увенчалась успехом, и в дни движения в этой местности мы имеем попытку провести соц.-демократическую тактику.

В самом начале движения на собрании крестьян местных и ближайших сел и учеников местного земледельческого училища была принята след. резолюция:

„Мы, нижеподписавшиеся, всецело присоединяемся к восставшим рабочим и поручаем своим уполномоченным выработать план действий во время начавшейся революции, которым мы и будем руководствоваться“.

Здесь же был выбран районный „революционный крестьянский комитет“, по два представителя от каждого села. Это собрание уполномоченных и выработало следующий план действий „в момент всероссийского восстания“:

1) выпуск партийного манифеста; 2) смена всех сельских правительственных властей и замена их выбранными, которым и предоставляется вся исполнительная власть; законодательная власть оставляется за общим (областным или волостным) собранием. Уничтожение всех воинских и недоимочных списков; 3) озабочиваясь продовольствием крестьян (в виду голода), составив соответствующие общественные приговоры, предпринять разборку хлеба в соседних экономиях и предоставить все экономические земли трудящемуся населению без выкупа. При разборке экономии выдавать от крестьянского комитета расписку землевладельцу о количестве вывезенного из его экономии хлеба; 4) а) организация сельских революционных комитетов, которые сносятся через своих уполномоченных с районным, а последний через своих уполномоченных с областным (саратовским) комитетом Российской Соц.-Дем. Раб. Партии и действует согласно его указаниям и инструкциям; б) уничтожение всех правительственных податей и налогов, введение прогрессивно-подоходного налога, размер которого определяется общим собранием. Все суммы, собранные таким образом, поступают в сельские кассы, известный процент из них отчисляется в кассу при районном или волостном комитете и областном (саратовском). Районный же комитет имеет прибор для печатания и выпускает всякого рода воззвания и прокламации; 5) организация вооруженных дружин. Отобрать все имеющееся оружие в экономиях и у крестьян, не желающих или не могущих почему-либо вступить в дружину. Если же правительственные арсеналы в городе (Саратове) окажутся в руках рабочих, то просить областной комитет отделить часть оружия и в деревню.

Первые три-четыре дня прошли в митингах в Николаевском Городке и в соседних селах, в демонстративных шествиях с обычными атрибутами, при чем, — пишет наш корреспондент, — „принимали самое деятельное участие парни, девушки, женщины, рядом с седовласыми стариками“.

18-го деревня узнала о манифесте и ответила на него на многолюдном митинге резолюцией,

в которой, между прочим, сказано: „Мы будем бороться до тех пор, пока не добьемся Всенародного Учредительного Собрания и перехода всей земли в руки трудящегося населения“. Постановлено было также „проводить все намеченные меры строго организованно, под руководством крестьянских комитетов, насилий и грабежей никаких не чинить, перед захватами и разборкой хлеба в экономиях составлять приговоры“.

Примерный приговор этого рода гласит: „Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне такого-то села, собравшись на сход (число), решили всю землю такого-то помещика (удела, монастыря и т. д.), как не по праву ему принадлежащую, передать без выкупа в пользу таких-то крестьянских обществ. Весь же хлеб, находящийся в амбарах такого-то помещика, в виду отсутствия у нас всяких продовольственных средств, и не надеясь на помощь правительства, постановили разделить между нуждающимися общественниками“.

Активные действия начались 20 октября с волостного правления.

Забрали все книги, касающиеся недоимок, воинской повинности и т. д. Уполномоченные на то крестьяне отобрали у старшины ключи и кассу. Захвачены были далее все книги и оружие в квартире пристава, при чем к квартире была приставлена стража для охраны имущества пристава. Затем было отобрано лишнее оружие и боевые припасы у частных лиц и в лавках. В казенной винной лавке сменили сидельца, конфисковали кассу, торговля, по желанию схода, продолжалась, но под охраной вооруженной стражи.

На почте были конфискованы касса, оружие и телефонный аппарат. Конфискована была также и касса Мариинского земледельческого училища, при чем часть денег была оставлена управляющему на текущие расходы. Со всеми конфискованными деньгами особый нарочный был тотчас же послан в Саратов за оружием. Из учеников земледельческого училища была образована милиция для надзора за порядком.

Для разборки хлеба, которую начали 21 октября, были также выработаны определенные правила касательно 1) определения количества хлеба, которое может быть взято в экономии (часть оставляется для продовольствия рабочих и скота) и 2) распределения этого хлеба между нуждающимися едоками окружных сел.

Все эти действия должны были производиться под непосредственным контролем крестьянского комитета.

Несколько вооруженных дружинников было послано по постановлению схода к помещику Петрову с предупреждением, что завтра приступят к разборке его экономического хлеба, и с предложением выдать имеющееся у него оружие, а также и 2.000 руб. на вооружение. Все это было исполнено.

В этот же день, между прочим, вооруженная дружина, дежурившая последние день и ночь, арестовала двух грабителей.

Когда крестьяне явились на ферму землед. учил. для разборки хлеба, районный комитет определил оставить для собственных надобностей фермы 4.000 пуд. хлеба. 8.000 п. было разобрано. Хлеб вывозился в общественные магазины, где и раздавался нуждающимся. Разборка прошла в полном порядке, без насилий, без недоразумений как на ферме, так и по отдельным деревням.

То же самое происходило одновременно и в намеченных для разборки окрестных помещичьих экономиях. Кроме хлеба, отбиралось оружие. Помещикам выдавалась за подписью „крестьянского социал-демократического комитета“ особая расписка „для пред'явления Учредительному Собранию“. Из домашних вещей не брали абсолютно ничего. Корреспондент наш рассказывает, между прочим, что, когда в большой экономии Беклемишева служащие последнего начали тащить имущество, то крестьяне потребовали от Беклемишева письменного удостоверения в том, что они, крестьяне, „кроме хлеба и оружия ничего не брали и брать не хотели“.

Вообще, пишет корреспондент, „крестьяне обнаружили поразительную дисциплинированность. Они всецело подчинялись выборному комитету. За все время аграрного движения в Николаевском районе не было ни одного предосудительного поступка со стороны крестьян, даже не замечалось пьяных“.

И ту же сознательность и организованность, которые крестьяне проявили при разборке хлеба, они проявили и при захвате земель. Так, например, за казенной фермой было оставлено около 200 дес. земли, количество, которое сам же управляющий признал достаточным для опытно-показательного хозяйства.

План „революции на месте“ был проведен, таким образом, местною организациею, но она оказалась значительно впереди событий, значительно впереди революции общероссийской. 23 октября в с. Николаевский Городок нагрянули войска с пушками, пулеметами. Руководители движения окопались и укрепились в земледельческом училище и решили ждать инструкций Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р.П. Инструкция была вскоре получена; в ней рекомендовалось как можно скорее ликвидировать дело, войскам не сопротивляться, более скомпрометированным бежать. Училище-крепость была оставлена защитниками, правительственные агенты энергично принялись за восстановление „старого порядка“.

Семь учеников землед. училища арестованы; они обвиняются по 100 ст. за восстание и содержатся в саратовской тюрьме, как уголовные, при страшно тяжелых условиях. Так мстят им местные представители администрации за то, что они попытались внести известный порякок, оранизованность в местное крестьянское движение.

* * *

На фоне общей картины аграрного движения с. Николаевский Городок безусловно является светлой полосой. Не мы, партия пролетариата, станем обвинять крестьянскую бедноту в стихийно-разрушительном характере ее восстания. Не на нее ложится ответственность за этот характер. Долгая школа рабства, систематическое обирание крестьянских масс и превращение их в массы темных пауперов — такова обычная политика царско-помещичьего самодержавия по отношению к русской деревне. И если теперь в деревне гибнут без всякого смысла на миллионы рублей производительные силы, то это есть непосредственный результат этой политики.

И каждая пылающая усадьба, как и каждый город, разгромленный полицейско-черносотенными ордами, есть новый пункт того грандиозного обвинительного акта, который выдвигает Россия против абсолютизма.

Но с проповедью аграрного террора, который есть не что иное, как непосредственный продукт темноты и полного обнищания русской деревни, социал-демократия не может и не должна мириться. Ибо об'ективной основой нашей твердой уверенности в неизбежности наступления царства социализма является именно безостановочное, мощное развитие производительных сил. Тактика аграрного террора, тактика разрушения производительных сил, хотя бы и временная, — глубоко реакционна. Бороться с этой тактикой необходимо; а опыт социал-демократической деятельности в округе с. Николаевский Городок показывает, что борьба эта вполне возможна, что революционно настроенное крестьянство способно усваивать и проводить в жизнь тактику социал-демократическую.

И. Г-г.

Русская печать.

* * * „Наша Жизнь“ считает необходимым, чтобы Совет Рабочих Депутатов оставался вне Социал-Демократической Партии.

Мы позволяем себе думать, что тактика Рабочего Совета совершенно правильная, и его стремление стать вне определенной партийной программы тоже вполне правильно. Допускаем даже, как утверждают соц.-дем., что теоретически наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих масс представляет социал-демократия, но ведь далеко не все петербургские рабочие — социал-демократы. Утверждать противное не решится и „Новая Жизнь“. Среди петербургских рабочих, даже политически развитых, есть очень много лиц, не выработавших себе пока определенного миросозерцания. Есть, наконец, много рабочих, политически совершенно неразвитых. Следовательно, выразительницей стремлений и мнений всех петербургских рабочих социал-демократия считать себя не может.

Весь вопрос в том: хочет ли Сов. Депутатов итти в хвосте массы или же вести ее за собой? Если есть много рабочих, „политически совершенно неразвитых“, то не за ними же итти органу, главная задача которого „представлять наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих“. Чем безупречнее Совет Депутатов исполнит эту задачу, тем успешнее будет его политика и тем прочнее связь с массой. Путь социал-демократии это путь организации пролетариата для борьбы с давящим его строем.

Плоха была бы та партия и плох тот представительный орган, которые плелись бы за отсталыми, а не сознательно вели их за собой.

* * * Земцы, заседая в Москве, решили договориться с правительством. Но с кем же заключать им контракт? С графом Витте? Но он только говорит, а правит кто-то другой. Граф Витте обещает, обещает, а другая, настоящая власть расправляется с народом по-старому. Либерализм Витте — для вывоза, для показа иностранным банкирам. Дома же, для внутреннего употребления, оставлено иное правительство — Дурново, Рачковского и К°.

Из-за границы „Бирж. Вед.“ осведомились, что среди многих сановников и некоторых военных, имеющих доступ ко двору, зреет мысль о военной диктатуре, чтобы снова взнуздать непокорного коня России и управлять им.

Позорные разгромы и бесчеловечные убийства, совершенные в разных городах России, словно по данному сигналу, в один день при поддержке или попустительстве полиции, администрации и бездействии войск — свидетельствуют, что такая организация, бесспорно, существует.

Нити ее, повидимому, находятся в министерстве внутренних дел, которому подчинены губернаторы, отдельный корпус жандармов, полиция, охранные отделения, сыщики.

Правительство составило „кабинет“ для проведения в жизнь манифеста, а теперь выясняется, что некий г. Рачковский, бывший начальник „дозорного депо“ в Париже и изгнанный оттуда, делает в России „внутреннюю политику“ в должности заведующего „политической частью“.

И, очевидно, не без ведома и благословения когда-то тоже уволенного директора департамента полиции, а ныне министра Дурново.

„Кабинет“ живет по евангельскому завету: десница не ведает, что творит шуйца.

Считаем нужным добавить, что в состав тайного кабинета вошел и генерал Трепов. Трепов, Дурново,

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ

Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ВТОРОЙ

№ № 8 — 14

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД — 1925